

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Том 30, №1

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Vol. 30, № 1

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2025

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ
2025 Том 30, №1

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

Федорук О.А., Федорук А.С., Папин Д.В. Андроновский (федоровский) комплекс могильника Фирсово-14 (материалы раскопок 2020 г.)	7
Шишикина О.О., Советова О.С., Сирюкин И.В. «Поздние» изображения на курганных камнях тагарского могильника у горы Тепсей	29
Власкина Т.Ю. К изучению погребальной обрядности донских казаков: оформление могилы необработанными камнями и связанные с ними представления	47

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Содномтилова М.М. Огонь в информационном пространстве тюрко-монгольских народов Сибири	70
Степанова О.Б., Караваев Э.Ф. Представления о времени в традиционном мировоззрении селькупов	86
Юша Ж.М. Защита жизни ребенка в обрядах и верованиях тувинцев России, Китая, Монголии: традиция и современность	100

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Моради М. Астральная и мистерическая символика в зороастризме	113
Актамов И.Г., Бадмацыренов Т.Б., Цэцэнбилэг Ц. Буддизм и постсекулярное общество: социорелигиозные процессы в Монголии конце ХХ — начале ХХI в.....	137
Дударенок С.М. Религиозный ландшафт Хабаровского края в 1990-е гг.: особенности формирования и тенденции развития.....	151
Маркова Н.М., Аринин Е.И., Кузнецова Л.Э. Комплаенс, религионимы и конфессионимы до религий и конфессий: вызовы академическому религиоведению.....	170
Мусаев В.И. Польско-литовские противоречия в католических общинах в России в начале ХХ в.....	193
Юрганова И.И. О христианизации чукчей на страницах «Якутских епархиальных ведомостей»	210
Дашковский П.К., Траудт Е.А. Православные общины Бурятской АССР в условиях изменения советской вероисповедной политики во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг.....	227
ДЛЯ АВТОРОВ	256

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2025 Vol. 30, № 1

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Fedoruk O.A., Fedoruk A.S., Papin D.V.</i> Andronovo (fedorovo) complex of the Firsovo-XIV burial ground (materials of the 2020 excavations).....	7
<i>Shishkina O.O., Sovetova O.S., Siryukin I.V.</i> “Late” images on the burial stones of the Tagar burial ground near Mount Tepsey.....	29
<i>Vlaskina T.Yu.</i> The funeral rite of the Don Cossacks: raw headstones and related concepts	47

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Sodnompilova M.M.</i> Fire in the media scene of the Turkic and Mongolic peoples of Siberia	70
<i>Stepanova O.B., Karavaev E.F.</i> Ideas of time in the traditional worldview of the selkups.....	86
<i>Yusha Zh.M.</i> Child protection in the rituals and beliefs of Tuvs Russia, China, and Mongolia: tradition and modernity	100

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSITIONAL RELATIONS

<i>Moradi M.</i> Celestial and mystical symbolism in zoroastrianism	113
<i>Aktamov I.G., Badmatsyrenov T.B., Tsetsenbileg Ts.</i> Buddhism and post-secular society: socio-religious processes in Mongolia in the late 20th and early 21st centuries ...	137
<i>Dudarenok S.M.</i> The Religious Landscape of the Khabarovsk Region in the 1990s: Features of Formation and Development Trends	151
<i>Markova N.M., Arinin E.I., Kuznetsova L.E.</i> Compliance, Religion names and Confessional names before Religions and Confessions: Challenges to Academic Religious Studies.....	170
<i>Musaev V.I.</i> Differences between the Poles and the Lithuanians in the Roman-Catholic Communities in Russia in the early Twentieth Century.....	193
<i>Yurganova I.I.</i> The Christianization of the Chukchi within the context of the <i>Yakut Diocese Gazette</i>	210
<i>Dashkovskiy P.K., Traudt E.A.</i> Orthodox communities of the Buryat ASSR in the context of changes in Soviet religious policy in the second half of the 1980s and early 1990s.	227
FOR AUTHORS.....	256

УДК 393

DOI 10.14258/nreur(2025)1-03

Т. Ю. Власкина

Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону (Россия)

К ИЗУЧЕНИЮ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ: ОФОРМЛЕНИЕ МОГИЛЫ НЕОБРАБОТАННЫМИ КАМНЯМИ И СВЯЗАННЫЕ С НИМИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

В статье рассматривается зафиксированный на Нижнем Дону обычай помещения на могилы необработанных камней. Приводятся суждения местных жителей о смысле обрядовых действий с камнями и свидетельства о деталях исполнения ритуала. На основе обобщения результатов полевых этнолингвистических исследований ЮНЦ РАН — ЮФУ (РГУ) в 2002–2017 гг. выявляются ареалы вариантов оформления могил необработанными камнями на территории бывшей области Войска Донского. В краткой характеристике населения, соблюдающего данный обычай, акцент делается на конфессиональных особенностях, поскольку устойчивым на изучаемых территориях является соседство старообрядческих и православных общин. Проведенный анализ донской традиции, а также обзор публикаций, в которых отражена распространенность подобных обрядов в различных областях России, дает материал для сравнения и построения гипотез о миграционных потоках из Подмосковья, Рязанщины, Нижегородчины и других территорий на Дон, Хопер и Медведицу и о вкладе переселенцев в формирование донского казачества.

Ключевые слова: донские казаки, локальный вариант, намогильный камень, погребальный обряд, старообрядцы, традиционная культура.

Цитирование статьи:

Власкина Т. Ю. К изучению погребальной обрядности донских казаков: оформление могилы необработанными камнями и связанные с ними представления // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 1. С. 47–69. DOI 10.14258/nreur(2025)1-03.

T. Yu. Vlaskina

The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don (Russia)

THE FUNERAL RITE OF THE DON COSSACKS: RAW HEADSTONES AND RELATED CONCEPTS

The article examines the tradition of placing uncut stones on graves in the Lower Don region. It presents testimonies from local residents regarding the significance of the ritual actions associated with these stones, along with evidence of the ritual's execution. Findings from ethnolinguistic field studies conducted by the SSC RAS and SFU (RSU) between 2002 and 2017 enable the author to identify the locations of graves marked by uncut stones across the former Don Host Oblast. The discussion includes a concise overview of the population that practices this custom, highlighting confessional characteristics due to the stable coexistence of Old Believer and Orthodox communities in the examined areas. Furthermore, an analysis of Cossack funeral rites, coupled with a review of literature documenting similar rituals across various regions of Russia, provides a foundation for comparative research and supports a hypothesis regarding migration patterns from the Moscow, Ryazan, and Nizhny Novgorod regions, among others, to the Don, Khoper, and Medveditsa rivers, as well as the role of these settlers in shaping the Don Cossacks subethnic group.

Keywords: Don Cossacks, funeral rite, headstone, local variant, Old Believers, traditional culture.

For citation:

Vlaskina T. Yu. The funeral rite of the Don Cossacks: raw headstones and related concepts. *Nations and religions of Eurasia*. 2025. Vol. 30, No. 1. P. 47–69 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2025)1-03.

Власкина Татьяна Юрьевна, старший научный сотрудник лаборатории филологии, Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону (Россия).

Адрес для контактов: vlaskiny@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1371-7628>

Vlaskina Tatiana Yurievna, senior researcher of the Laboratory of Philology of the Federal State Budgetary Institution of Science «Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences» (SSC RAS), Rostov-on-Don (Russia).

Contact address: vlaskiny@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1371-7628/>

Введение

Научная значимость исследования традиционной погребальной обрядности не нуждается в доказательствах: характерная для этой сферы консервативность делает ее бесценной источниковой базой для этнографических и культурологических построений.

Между тем систематическое изучение погребальных традиций донских казаков ведется сравнительно недавно, многое еще не выявлено или мало изучено. К подобным феноменам относятся намогильные памятники и каменные конструкции, в которых используются камни, не имеющие специальной скульптурной обработки. Это так называемые дикие камни произвольной формы без рельефных изображений и резных надписей, которые могут быть окрашены и иметь знаки, нанесенные краской. Для краткости мы будем называть их необработанными камнями.

Изучение намогильных камней вне казачьей проблематики и за пределами бывших земель области Войска Донского имело свою специфику. Положение камня на могилу на славянских территориях периодически становилось предметом археологических исследований памятников, датируемых XI–XVIII вв., при этом надгробия рассматривались в контексте комплексного описания некрополя (см., напр. [Чернов, 1990; 1991; Авдеев, 2015], а также историю публикации материалов белорусских некрополей, на которых встречались намогильные камни [Черевко, 2020]).

Этнографическое изучение этой стороны погребального обряда интенсифицировалось преимущественно в последнее десятилетие и часто в отрыве от данных, полученных археологами. Подробный обзор существующих работ по теме не так давно выполнил Д. В. Громов [Громов, 2023]. Выделим далее лишь некоторые выводы коллег. Важными для последующих исследователей обряда стали сделанные в первой половине XX в. наблюдения Д. К. Зеленина, упоминавшего о положении камня на могилу белорусами и использовании камня в других эпизодах погребального обряда у русских Нижегородского уезда и Калужской губернии [Зеленин, 1991: 349–351].

В 2007–2014 гг. В.Л. Кляус и Д.Г. Чубукова, зная о размыщлениях Д. К. Зеленина по поводу использования камней в погребальных обрядах русских, провели специальные исследования в Центральной России и в Восточной Сибири у православных потомков русско-китайских браков. В ходе полевых изысканий было установлено, что обычай положения камня на могилу в Коломенском и Раменском районах Московской области, Калужской, Рязанской, Липецкой и Нижегородской областях имеет много общего с явлениями, распространенными в Забайкалье и Приаргунье [Кляус, Чубукова, 2015]. Вслед за В.Л. Кляусом и Д.Г. Чубуковой к ареальному распространению названного обычая обратился Д. В. Громов, выделив после обобщения результатов работ пять ареалов в пределах России: московский, калужский, рязанский, нижегородский и донской (последний — со ссылкой на наши материалы) [Громов, 2023: 212–213].

Также важной представляется одна из первых классификаций ритуальных действий с камнем в рамках погребального обряда, предложенная культурологом П. И. Кутенковым [Кутенков, 2013] (оговоримся, что в его рассуждениях прослеживаются неоязыческие (родноверческие) тенденции). Рассматривая среди прочих надгробия, выполненные из необработанного камня, широко бытующие, по словам автора, в Рязанском крае, и их символику, он предлагает термин «каменный обряд», под которым подразумевает «действия по подготовке камня, его хранению, порядку положения на могилу, времени положения, а также отношение к нему и его использование в последующее время» [Кутенков, 2013: 76]. По мнению П.И. Кутенкова, все выявленные в Рязанской

области формы обращения с камнями относятся к возникшему в эпоху Средневековья единому поминальному ритуалу, который исполнялся на протяжении трех лет после погребения, а затем в «родительские» дни.

Как В.Л. Кляус и Д.Г. Чубукова, так и П.И. Кутенков рассматривают мотивацию действий с камнем. Первые, характеризуя восточносибирскую традицию, отмечают, что мотивы в принципе совпадают с мотивами, выявленными ранее в Центральной России, но имеют расхождения в обрядовых процедурах. Основное различие состоит в том, что в Восточной Сибири действия с камнем происходят в течение сорока дней после похорон: его заносят в дом, хранят в переднем углу, а на сороковину кладут на могилу к памятнику/кресту или закапывают и в дальнейшем никак не используют. В московско-калужско-рязанских землях камень на могилу могут положить в разное время от похорон до годовщины, и затем он, специально выделенный на могиле, активно используется в поминальной обрядности [Кляус, Чубукова, 2015].

На основании распространенности обычая как у старообрядцев, так и у приверженцев Русской православной церкви, В.Л. Кляус и Д.Г. Чубукова делают вывод о его до-раскольном (ранее XVII в.) возникновении. При этом В.Л. Кляус, вслед за П.И. Кутенковым, предполагает, что «каменный обряд» некогда был единым. В силу чего обнаруженная в Центральной России зона его распространения есть регион исхода переселенцев в Восточную Сибирь, а выявленные различия связаны с более чем двухсотлетним раздельным развитием материнской региональной общности и ее сибирской колонии [Кляус, Чубукова 2015: 165]. Размышляя о символах и идеях, изоморфным выражением которых может быть обряд, авторы приходят к мысли, что камень представляется живым и одновременно вечным и соотносится с душой человека через такой признак, как бессмертие [Кляус, Чубукова, 2015: 168].

Иные трактовки символики камня в погребальной обрядности видим у других исследователей. По мнению Е.Е. Левкиевской и С.М. Толстой, на первом плане в данном контексте оказываются «останавливающие» свойства камня, а «обычай устанавливать надгробные камни также объясняется стремлением «связать» душу, «привязать» ее к могиле, дать ей обиталище, чтобы она не блуждала по свету» [Левкиевская, Толстая, 1999: 451]. А.А. Плотникова и В.Я. Петрухин указывают на тройственную символику надгробия, которое одновременно выступает и обителью души умершего, «и символом входа «на тот свет», и преградой, камнем, препятствующим выходу покойника из могилы» [Плотникова, Петрухин: 360]. Детализацию названных выше значений видим у Д.В. Громова, сравнивающего распространение фольклорных мотивов, встречающихся в нарративах о намогильных камнях, в различных ареалах бытования традиции [Громов, 2023: 228–231].

О камнях в современной похоронно-поминальной обрядности Восточного Подмосковья пишет С.С. Михайлов, особо останавливаясь на одном типе — «небольшие камни, с кулак величиной и больше» [Михайлов, 2021]. «Камушек» во многих местах лежит не один, «а два, три и даже более», сакральная нагрузка их всех очевидна, в частности, благодаря тому, что независимо от количества камни одинаково оформляют — красят в цвет намогильного креста. Подчеркивая факт выявления традиции как у старообрядцев, так и у новообрядцев региона, автор выделяет среди символических функций над-

гробного камня коммуникативную: в нескольких вариантах нарративов и ритуальных действий «камушек» выступает каналом для сообщения между живыми и мертвыми родственниками [Михайлов, 2021: 10–11].

В контексте проблемы взаимосвязи того и этого света дается анализ символики, семантики и функций двух надгробных атрибутов — камня и креста — в статье Т.А. Листовой [Листова, 2022]. В этом глубоком исследовании проблема использования камней в оформлении могил рассматривается в контексте метафизики смерти. Т.А. Листова приходит к выводу, что в разных вариантах похоронной практики использование камней могло иметь разное знаковое содержание, зависящее как от этапа похоронного ритуала, так и от того, о какой этнографической группе идет речь. Несмотря на корреляцию некоторых нарративов о смысле появления камней на могилах с христианскими сюжетами, исследовательница считает, что традиция может иметь древние корни, а в поисках аналогий указывает на археологические источники.

Очевидно, назрела необходимость в доследовании обширных территорий, обзоре имеющихся полевых материалов, их структурировании и научном обобщении. Подобный посыл как нельзя лучше совпадает с задачами по реализации очередного этапа изучения традиционной культуры донского казачества. Оформление донских сельских кладбищ весьма редко становилось объектом специального научного интереса. В лучшем случае материально-визуальная сторона устройства могил бегло упоминалась в описаниях обрядности или при оценке социального положения казачества [Матишов и др., 2009: 161–166; 2012: 182–184]. В публикациях, посвященных истории наиболее престижных областных некрополей — Таганрога, Старочеркасска, Новочеркасска, — облик памятника находится в тени биографических справок об упокоенных там лицах [Астапенко М.П., Астапенко Е.М., 2018], а наиболее выразительные надгробия, как правило, рассматриваются с искусствоведческих позиций [Алексеенко, Юрченко, Сирота, 2021]. Поэтому не только основным, но и в ряде случаев единственным источником для изучения традиции помещения необработанных камней на могилы на кладбищах в Ростовской области (далее — РО) и Волгоградской области стали материалы обследования сельских кладбищ, которое систематически проводилось автором и ее коллегами из Южного федерального университета и Федерального исследовательского центра Южного научного центра Российской академии наук с 2002 по 2017 г.

Необработанные камни на донских сельских кладбищах

Оформление современных кладбищ, находящихся на территориях Ростовской и Волгоградской областей, ранее входивших в состав области Войска Донского, продолжает традиции живущих здесь потомков донских казаков и крестьян. За сто лет, прошедших после юридического упразднения казачьего сословия, многое изменилось. Было бы ошибкой считать, что кладбища, возникшие возле станиц и хуторов двести и триста лет назад, выглядят сегодня так же, как и в пору расцвета донской субкультуры. Но религиозные основы представлений о смерти и переходе человека из жизни в мир иной продолжали явно или косвенно направлять действия семьи усопшего и близкого соседского круга даже в годы доминирования атеистических идей в обществе, а с изменением властной доктрины немедленно стали восстанавливаться в более или менее

полноценном виде. Судя по сохранившимся на надгробиях надписям, за редким исключением, видимый комплекс могил не старше середины XX в. В среднем всего 2–5% погребений, идентифицированных на сельских кладбищах, совершены в последние годы XIX — первой трети XX в., а на многих кладбищах старые могилы нельзя выявить во все. Поэтому без прямых доказательств иного выявленные в ходе исследования кладбищенские традиции придется рассматривать как продукт социальной практики XX в.

Сравнивая разновременный материал из различных источников, можно заметить, что с утверждением новых культурно-идеологических приоритетов советская погребальная эстетика первым делом стала старательно избавляться от религиозных знаков и символов. Казачьи монументальные надгробия с рельефными изображениями распятия и орудий страстей Господних, тяжелые могильные кресты из камня и кованого металла ушли в прошлое. На сельских и городских кладбищах одной из популярных форм намогильного памятника стала так называемая «пирамида» — квадратный в основании, сужающийся кверху узкий четырехгранник с немного уплощенным или крышевидным верхом, в центре которого закреплялась на отдельном стержне пятиконечная звезда, выкрашенная в красный цвет. К концу 1970-х гг. атеистический диктат начал ослабевать, и постепенно звезды стали соседствовать с крестами. А 1990-е гг. означали триумфальным возвращением христианской символики. И теперь уже памятники со звездами оказались в меньшинстве. И только одна разновидность могильной атрибутики никак не была вовлечена в продолжавшийся около 70 лет идеологический спор между крестами и звездами — это были камни, не несшие на себе никаких видимых или неустранимых знаков.

Аксайско-Багаевская локация: камни на могилах в устных свидетельствах и в пространстве кладбища

Впервые необработанные камни были зафиксированы автором в ходе осмотра кладбищ станицы (далее — ст.) Манычской во время этнолингвистической экспедиции в Багаевском районе Ростовской области в 2002 г. До этого наблюдения таких камней в различных местах донского региона были единичными и не складывались в картину сколько-нибудь распространенной традиции. А в ст. Манычской почти на каждой могиле были видны камни, покрашенные зеленой или голубой краской в цвет оградки (рис. 1).

Камни в основном представляли собой крупную гальку, отдельные экземпляры имеют 25–30 см в поперечнике. Багаевский район — один из немногих, где удалось составить наблюдение бытования «каменного обряда» и его характеристику носителями традиции. Поэтому материал по данному ареалу представлен в статье наиболее развернуто.

Обследование окрестных хуторов показало, что обычай распространен на значительной территории Багаевского района. Из устных сообщений местных жителей стало известно, что он бытует или бытовал раньше и в соседних станицах — Аксайской, Старочеркасской и Ольгинской с хуторами.

Население этой части бывшего Черкасского округа в основном казачье, имеющее крепкие традиции и, по донским меркам, древние корни: ст. Манычская (городок Маныч, ст. Маноцкая) основана в 1570-х гг., а ст. Старочеркасская (Черкасский городок) —

в 1580–1590-х гг. [Королёв, 2006: 119–120; 206]. Население издавна было смешанным в конфессиональном отношении. Численно преобладали приверженцы Русской православной церкви, но на протяжении 300 лет доля старообрядцев была постоянно очень заметной [Шадрина, 2021]. Старообрядцы жили в Черкасском городке с конца XVII в., в ст. Рыковской (части городка) действовала «раскольничья» часовня [Лаврский, 1917: 19]. До 300 человек составляли два старообрядческих прихода ст. Аксайской [Черняева, 2019]. Ст. Манычская до середины XX в. считалась видным центром старообрядчества на всем Нижнем Дону. По переписи 1897 г. в юрте станицы располагалось 13 хуторов, в 12 из которых проживал 2391 старообрядец [Список, 1905: 14–17]. В настоящее время здесь соседствуют православная и старообрядческая общинами, каждая из которых имеет свои храмы и кладбища.

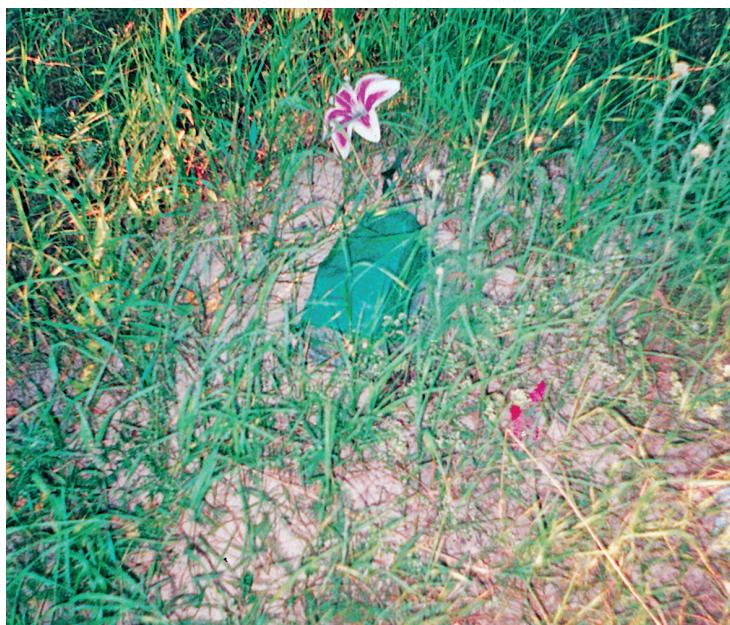

Рис. 1. Камень на могиле в ст. Манычской Багаевского района РО, 2002 г.

Фото Т.Ю. Власкиной

Fig. 1. Stone on the grave in the Manychskaya station of the Bagaevsky district of RO, 2002.

Photo by T. Y. Vlaskina

Даже в эпоху расцвета старообрядческих общин на рубеже XIX–XX вв. в Манычской явственно обозначился курс на духовное единение всех христиан, который проявлялся в призывах пастырей не чинить препон для общения, не чуждаться «никониан», не запрещать им входить в свои храмы [Артемьев, 1909]. С развенчанием религиозных канонов и смешением межконфессиональных барьеров внутристаничные связи в семейных и бытовых отношениях стали, видимо, еще более прочными и открытыми. Во всяком случае, в 2002 г. среди информантов 1930–1940-х годов рождения, с которыми работали члены экспедиции, было немало таких, в чьих семьях разница в ве-

роисповеданий не была препятствием для брака. Поэтому нам так и не удалось связать использование необработанных камней в оформлении могил с какой-то конкретной старожильческой группой — традицию соблюдают и православные, и старообрядцы. Камень на могиле считается отличительной чертой «своего», знаком принадлежности к местному, «коренному» казачеству. Причем этот знак может не только констатировать наличие статуса, но и сообщать его. Одна из наших респонденток проиллюстрировала данную идею примером из собственной жизни. Будучи родом из Ростова-на-Дону, с детства женщина жила и работала в Сибири, где встретилась с военнослужащим из ст. Манычской и приехала вместе с ним в станицу в качестве невесты. Сыграли свадьбу. Спустя какое-то время ее мать тоже переехала к молодым, а потом умерла. На похоронах, когда гроб выносили, свекровь при одобрении авторитетных местных старушек заставила невестку взять камень, принести и положить на могилу матери. На возражения, мотивированные тем, что мать приезжая, что «у них в Сибири» о таком не слышали, да пожалуй, еще и сказали бы, что класть камень нехорошо, что он тяжестью будет для покойницы, ей ответили: «Нинка, ты ж взамуж вышла, стала жена казака, казачка. Твоя мать стала казачья мать, с нашей сёмеёй кровь и хлеб разделила, значит, без камня ей нельзя прибираться, она теперь наша» (ст. Манычская Багаевского района РО)¹.

Во время экспедиции в Багаевский район были зафиксированы подробности обрядовых действий с камнем, характерные для данной локации. Сразу следует оговориться, что все визуальные наблюдения проводились нами на новом кладбище, на котором сейчас хоронят и приверженцев Русской православной церкви, и старообрядцев. Об этом же кладбище шла речь в интервью, записанных от респондентов в ст. Манычской. Помимо нового, в Манычской существует старое кладбище, где хоронили только старообрядцев. Сейчас оно закрыто и окружено глухой оградой, через которую видно, что могилы не убирают. Камни кое-где удалось разглядеть, но без следов краски. Кресты деревянные и в основном в виде гнилых остатков, упавших, видимо, на могилы. Согласно устной информации, на кладбище уже не хоронят. Покойников тревожить нельзя, поэтому туда никто не ходит, могилы должны застичи и уйти в землю. Как в таком случае обстоит дело со всеми теми предписаниями, о которых речь пойдет ниже, выяснить не удалось.

Камень выбирают на подворье покойного. Если это мужчина, хорошо взять из фундамента дома, хлева или другой хозяйственной постройки, неплохо также вынуть из печи. В данной местности в строительстве традиционно используют дикий камень наряду с кирпичом. Если хоронят женщину, то берут гнет из кадушки с квашеной капустой или соленой рыбой, обычно это тоже дикий камень. В качестве таковых здесь обычно выступают голыши — довольно большие гладкие камни овальной формы. Вблизи ст. Манычской находятся естественные выходы древних голышей (крупной морской

¹ Здесь и далее источниками цитат выступают материалы объединенного собрания полевых материалов диалектологических и этнолингвистических экспедиций Федерального исследовательского центра Южного научного центра Российской академии наук и Южного федерального университета (Ростовского государственного университета) за 1974–2013 гг. После каждого текстового фрагмента указывается место его записи.

гальки) известные местным жителям [Савельев, 1930: 16]. По словам информантов, подобный выбор камня в настоящее время желателен, но не слишком обязателен. Можно взять любой «хорошенький» с подворья или поместья. Подворье — то же, что двор, точнее, в местной терминологии, чистый двор. Поместье же составляют чистый двор возле дома, включающий летницу — летнюю кухню и погребку — погреб во дворе, баз — скотный двор с хлевом и хозяйственными салями, где могут быть и кузня, и клуны, и закром, амбар с рундуком. А дальше — солила с сушильней для рыбы и т. п. Поместье включает также леваду — участок земли с садом, огородом, виноградником, расположенный обычно за чистым двором или у реки.

Следовательно, могильный камень в Аксайско-Багаевской локации может происходить с любого места или строения этой довольно обширной и разнообразно устроенной территории. Стоит заметить, что поместье — это далеко не вся земля, связанная с жизнью и хозяйственной деятельностью семьи, а только та ее часть, которая находится в собственности, может быть продана и передаваться по наследству. Помимо этого, до советской власти и упразднения войсковой системы землепользования семья получала земельный пай на каждого казака за службу. На паевой земле находились поля, выпасы, сенокосы, участки для заготовки дров и рыбной ловли. Права на эти наяды были временными, хоть и довольно прочными: основная часть могла передаваться в долговременную аренду и даже по наследству, но они зависели от наличия/отсутствия в семье служилых казаков и периодического передела определенных категорий угодий внутри станицы по жребию. Согласно обычаю, могильный камень следует брать с территории, которая связана с женскими и мужскими хозяйственными занятиями, находится в собственности у покойного и его семьи и не подлежит переделу. В связи с этим кажется справедливым замечание Т. А. Листовой, что, возможно, подобный выбор намогильного камня символизирует выделение его доли имущества или является элементом, сохраняющим его связь с домом [Листова, 2022: 28]. Причем при выделении доли сохраняется ее гендерная маркировка.

После выбора камень моют и несут на кладбище. По одним сведениям, несут, завернув в платок, в день похорон за гробом после креста и крышки. Когда закончили оформление могильного холма, то кладут в ногах перед лицевой стороной у основания креста. Нести камень и класть его на могилу должен младший близкий родственник одного пола с покойным. Например, дочь за гробом матери или сын за гробом отца. Возможно, речь идет о передаче полоролевых функций в родовой иерархии, но сложно сказать определенно, поскольку подробные рекомендации были получены всего один раз в ст. Манычской. В остальных случаях с большей или меньшей полнотой сообщалось, что родственник в день похорон оставляет камень на могиле. Еще в одном случае на вопрос собирателя, кто должен нести камень, информант, имевший репутацию знающего (колдуна), хитро подмигнул и ответил: «Да кто любить, тот и несётъ» (хутор Первомайский Багаевского района РО).

Параллельно в том же районе существует традиция относить камень на могилу не обязательно в день похорон, а в любой до истечения сорока дней: «Сорок дней, вот поминают сорок дней, да сорока камушек ложат» (хутор Арпачин Багаевского района РО).

После этого камень красят, как уже указывалось выше, и могут поверх зеленого или голубого поля белой краской нарисовать крест, но не всегда. О сроках, когда так оформляют, прямо сказано не было, но, поскольку современный памятник, гробничку и оградку из металла если ставят, то через год, а ежегодное *убранство на могилках* обычно *наводят* перед Пасхой, то логично предположить, что и камень красят в те же сроки. При установке памятника крест, как правило, оставляют позади него, а камень кладут перед памятником. Гробнички, которые мы видели в Манычской, имеют свободную середину, заполненную землей. Поэтому подобное, явно осовремененное, убранство нисколько не мешает соблюдению «каменного обряда».

Нами были зафиксировано, что в Багаевском районе намогильный камень называют *ключ, дверь, сторож*, что указывает на его коммуникативные и одновременно ограничительные, «запирающие» функции (ст. Манычская, хутор Усьман). Подобные многозначные термины предполагают нарративное сопровождение и/или обрядовые действия. Но соответствующие фиксации довольно скучны. «*Вроде он выходит когда*» (ст. Манычская Багаевского района РО). «*Родителям дверь, чтоб своих повидать сродников*» (хутор Усьман Багаевского района РО). «*Знаитя Рожество, потом Киценя? Родители, грять, приходять радоваться со своими, и Пасха — праздник большой... — Как-то приходять оттудова*» (ст. Манычская Багаевского района РО). «*Каменем придавят, то сторож яму, чтоб не вылез, не ходил, где зря. — Сторож да и ключ*» (хутор Усьман Багаевского района РО).

Какие-либо действия в контексте данных значений нам не известны, однако они отмечены в связи с такой функцией камня, которая, напротив, не стала поводом для возникновения специального названия. Во время посещения кладбищ в пасхальные и родительские дни на камне оставляют поминальные угощения: конфеты, печенье, красленые яйца. Округлая форма не слишком удобна для этого, поэтому подношения скатываются и лежат рядом. Потом их собирают дети и нищие. На Красную горку на камне могут накрыть стол для праздничной трапезы, что практически невозможно в силу малого размера и покатой поверхности. Так что «на камне» — это скорее условность: в действительности полотенцем, служащим скатертью, накрывают верх могильного холмика вместе с камнем, и он оказывается в основании (буквально) застольного ритуала самым естественным образом. «*Как ялтарь*», — проводит важное сравнение одна из женщин, тем самым подчеркивая жертвенную символику обрядовой трапезы (ст. Манычская Багаевского района РО).

Помимо уже обозначенных мотиваций помещения камня на могилу, установленных путем интерпретации обрядовых действий и терминов (маркирование «своих» покойников, выделение доли покойного, обеспечение контактов между живыми и мертвыми в особые дни, замыкание покойного в потустороннем мире) изучение интервью дает еще несколько вариантов. Так, распространенным объяснением обычая класть камень на могилу являются ссылки на традицию: «*Да, ложут. Такой обычай. И до нас еще было*» (хутор Арпачин Багаевского района РО).

Еще одна прагматическая мотивация связана с прочностью и долговечностью камня как природного материала. В связи с этим его использование является идеальным способом обозначить место захоронения: «*Камушки это ложили чего, раньше же. Сейчас*

стали делать от эти вот гробницы, а тогда ж не было этого ничего, а тогда как могила, крест поставили, если ещё где-то железный достали, а если деревянный, он обветшил, сломался усё, а это ложила каждая хозяйка, хозяин, камушек ложит и красит у свой цвет, какой нравится, и крестик же на нём. Это просто штоб узнавать свою могилку. Это как... издавна так было заведено» (хутор Арпачин Багаевского района РО).

Смысл появления камня на могиле часто рассматривают как прямую аналогию евангельского сюжета о камне, которым закрывали пещеру со снятым с креста Иисусом Христом, но важны, как обычно, детали. В наиболее развернутом из записанных в Багаевском районе объяснении происхождения обычая памятью о воскресении Иисуса Христа этот эпизод священной истории обретает дополнительный драматизм, поскольку в представлениях информанта свершившись таинству пытались помешать представители демонических сил — *черты, нечистые*. Подчеркивается, что воскресение — это победа добра над злом не в метафизическом смысле, а в результате физического противоборства Михаила Архангела с представителями Сатаны. «Собиратель (далее — С.): Здесь у вас по округе везде на могилы кладут камни. — Да. — С.: А зачем? — Видишь, принято так. Ага. Раньше: камень, крест. Щас гробницы ишо. Вот. А камни вот... это же принято — камни. Как это, значит, нечистые натягали камень на Сына... Божьего, да, ну а Бог послал Михаила Архангеля: „Пойди, — грить, — и стяни камень!“ А там стотонный камень-то! Стянул, ага. А они ж его караулять, нечистые, но они не слыхали, и враз земля раскрылась, и Сын Божий воскрес. И они как вдаряются в разные стороны! И запели: „Христос воскрес — истинно воскрес!“» (хутор Первомайский Багаевского района РО). Этот текст по содержанию совпадает с суждением, записанным в Калужской области от монахини, которое приводит Т.А. Листова [Листова, 2022: 35]. Исследователь обращает внимание на один нюанс: монахиня считает главным в сюжете сам факт наличия каменной сущности на могиле независимо от ее конкретной формы.

Вопрос о том, как давно существует в Аксайско-Багаевской локации описанный вариант обычая положения на могилу необработанного камня, пока остается без ответа, как и то, какие черты этого обычая следует считать первичными, а какие развились позже. Ответы требуют привлечения дополнительных источников. О том, что такие источники могут обнаружиться, свидетельствуют археологические материалы. В 2020 г. при раскопках курганного могильника «Алитуб-IV» в Аксайском районе Ростовской области было исследовано кладбище х. Алитуб XIX — середины XX в. [Деняева, 2021]. Этот хутор входит в Аксайско-Багаевскую локацию распространения «каменного ряда». Кладбище было уничтожено в результате сильного половодья в конце 1940-х — начале 1950-х гг., и уже в конце 1950-х гг. его поверхностные следы полностью исчезли. С территории заброшенного могильника делались выборки грунта, а в 1960-х гг. на кургане начала функционировать бытовая свалка [Деняев, Гудименко, 2022: 20].

В результате археологического исследования было установлено, что на уровне бывшей поверхности хуторского кладбища находилось большое количество сырцовых кирпичей, которые по степени прокаленности определяют как печные. Первичное местоположение кирпичей установить невозможно, но это не мешает предположить, что они находились на поверхности могил на кладбище и были смещены в результате

половодья, оказавшись затем в условно мусорном слое. В нем смешалась земля древней насыпи, почва, дерн, ил и другие компоненты, поэтому четко дифференцировать разновременные включения в его состав довольно сложно. В ходе раскопок было исследовано 133 погребения XIX — первой половины XX в., часть из которых содержали инвентарь религиозного характера, имеющий старообрядческие эстетические и символические особенности. Были обнаружены также элементы погребального ритуала, требующие этнографического комментария, и среди них — кирпичи в двух погребениях. В одном случае была погребена женщина старше 55 лет, под стопы ее ног, обутых в кожаные тапочки, был подложен кирпич. В другом кирпич находился в ногах погребенного — младенца 9–12 месяцев [Деняева, 2021: 104, 117]. Здесь уместно вспомнить не только то, что на современных могилах соседней ст. Манычской и хутора Арпачина кирпичи используют наряду с дикими камнями, пусть и значительно реже, но и то, что в поисках истоков обряда исследователи уже находили подобное, поэтому связывают положение кирпича в могилу с монастырскими традициями, «модельным» выражением следования традиционным нормам аскезы [Беляев, 2011] (см. подробный этнографический комментарий к материалам казачьего некрополя в хуторе Алитуб в публикации Т. Ю. Власкиной [Власкина, 2023]).

Константиновско-Семикаракорская локация

Описанная выше локация пока лучше всего обеспечена устными источниками. Два других ареала распространения «каменного обряда» на Дону выявлены преимущественно в результате фотофиксации, которая производилась в основном в 2010–2011 гг. Первый из ареалов находится в самом сердце бывшего Первого Донского округа и имеет центр в хуторе Маломечетном Семикаракорского района, ст. Николаевской и хуторе Ведерникове Константиновского района РО. В конфессиональном отношении здесь представлены и старообрядцы, и приверженцы Русской православной церкви. Отличительной чертой этой локации является широкое использование в качестве на могильного камня бутованного серо-зеленого песчаника, реже ракушечника и плитняка — здесь это пластованный песчаник. Кроме того, в этом старом казачьем регионе на кладбищах сохранилось довольно много дореволюционных памятников в виде резных плит, стоящих и лежащих, а также в форме жертвеников и т. п. Рассмотрим материалы Константиновско-Семикаракорской локации в порядке убывания количества могил с необработанными камнями.

Ст. Николаевская Константиновского района РО была образована путем объединения двух казачьих городков — Верхнего и Нижнего Михалёвых, впервые упоминавшихся в документах в 1593 г. [Королёв, 2006: 40]. Население до недавнего времени было преимущественно старообрядческое, беспоповцы. На действующем кладбище могилы, почти все без исключений, оформлены небольшими необработанными камнями. По природному материалу здесь плитняк сочетается с бутовым камнем, поэтому, как мы считаем, здесь на один локальный вариант накладывается другой, о котором речь пойдет ниже. Также на могильных холмиках было зафиксировано несколько красных кирпичей. Встречается окраска камней в цвет других могильных атрибутов, нанесение краской букв и крестов. В комплексах с необработанными камнями отмечены массивные каменные плиты с высеченными надписями, изображением креста. Обыч-

но такая плита лежит плашмя на могиле, а маленький необработанный камень положен сверху нее или рядом с ней.

В хуторе Маломечетном, до революции относившемся к юрту Константиновской станицы, а сейчас входящем в состав Семикаракорского района РО, на местном кладбище большинство могил оформлены необработанными камнями. Из природных пород представлен серо-зеленый песчаник в виде плитняка-пластушки и бута. Единично в качестве более современного воплощения «каменного обряда» встречается отделочная кафельная плитка с глазурью. Дикий камень часто целиком покрашен в цвет креста — синий или белый (рис. 2). На некоторых плоских камнях единично нанесены буквы — инициалы погребенного и/или кресты синим по белому.

На действующем кладбище хутора Веденникова Константиновского района РО (впервые упоминается в 1669 г. [Королёв, 2006: 34]) более 3/4 могил оформлены необработанными камнями. В основном это крупный бутовый камень — серо-зеленый песчаник и ракушечник. Встречается замена намогильного камня белой мраморной плиткой. На многие камни синей или белой краской по некрашеной серой поверхности нанесены изображения креста.

На кладбище х. Вислого Семикаракорского района РО могил с одиночными необработанными камнями также подавляющее большинство. Могилы оформлены плитняком-пластушкой и серо-зеленым бутовым песчаником. Единично встречается отделочная плитка с глазурью. До половины камней окрашены целиком в цвет креста. В единичных случаях необработанные камни сочетаются со старыми памятниками и резными плитами.

Рис. 2. Камни на могиле в хуторе Маломечетном Семикаракорского района РО, 2010 г. (Пасха). Фото Т.Ю. Власкиной

Fig. 2. Stones on the grave in the village of Malomechetnoye, Semikarakorsky district, RO, 2010 (Easter), photo by T. Y. Vlaskina

За пределами основного ареала находится старообрядческий хутор Чекалов Морозовского района РО, который фиксируется в юрте станицы Есауловской в последней трети XIX в. [Список, 1875: 70]. Примерно пятая часть могил на местном кладбище с кусками необработанного бутового песчаника, которые в нескольких случаях соседствуют с дореволюционными резными каменными памятниками и массивными чугунными крестами.

Кундрюченская локация

Еще один вариант «каменного обряда» образует ареал в Усть-Донецком районе с выходами в Тацинский район РО. Центр ареала образуют станицы Верхне- и Нижнекундрюченская с хуторами. Отличительной чертой, на основании которой можно выделить здесь традицию оформления могил одиночными необработанными камнями в особый вариант, является использование плитняка-пластушки как основного материала и полное отсутствие бутового песчаника. Это может быть связано с тем, что недалеко от ст. Верхнекундрюченской есть выходы плитняка, где местные жители его издавна добывают. Здесь плитняк-пластушка используется в оформлении не только надгробий, но и пространства подворья, а также в строительстве. Своеобразие центральной части ареала составляет сочетание в одном намогильном комплексе нескольких видов плитняка — обработанного и нет, в результате чего они образуют сложные конструкции.

Ст. Нижнекундрюченская Усть-Донецкого района РО была основана во второй половине XVII в. и имела название Кундрючий городок [Королёв, 2006: 111]. На действующем кладбище почти все могилы оформлены необработанными камнями. Иногда, когда на могиле установлена современная гробничка, камень находится за ее рамкой позади креста. Но достаточно часто камень кладут внутрь гробнички. В качестве дикого камня используют исключительно плитняк. По одному, иногда по нескольку штук плитняк с нарисованными синей краской крестами лежит поверх песчаного или глинистого холма в сочетании со старыми (конца XIX — начала XX в.) резными надгробиями с изображениями Голгофы и надписями.

На кладбище ст. Верхнекундрюченской Усть-Донецкого района РО (основана в 1701 г. [Королёв, 2006: 112]) подавляющее большинство могил оформлены необработанными камнями в сочетании с другими конструкциями и без них. Основной материал — пластованный песчаник-плитняк трех видов. Это небольшие относительно тонкие серо-зеленые плитки с нанесенными на них белой, голубой и изумрудной краской буквами-инициалами и крестами. Такой камень на могиле обычно один, но встречаются и по нескольку с разными инициалами, что означает, что в могилу совершились подзахоронения. Часть могил, помимо того, обложены плитняком разной толщины наподобие панциря. Панцирь может включать в себя старую массивную плиту с резными крестами и надписями в цельном или фрагментированном виде. Плитка с нарисованными краской буквами и крестами в таком случае лежит сверху панциря. Встречаются могилы, где основным каменным надгробием остается целая массивная плита с дореволюционной надписью или ее фрагмент.

Точная дата основания хутора Мостового (ранее — хутора Мостовского) ст. Верхнекундрюченской Усть-Донецкого района РО неизвестна, но во второй половине XIX в. он уже существовал [Список, 1875: 45]. На многих могилах обнаружены одиночные не-

обработанные камни бутованного полевого шпата белого цвета. На могилках, оформленных по-современному, камень находится в рамке гробнички или за крестом. Иногда его может заменять фрагмент старой плиты с надписью. Но в большинстве случаев одиночные белые камни образуют комплексы с другими разновидностями камней, подобно тому, как это описано на станичном кладбище Верхнекундрюченской, но часто еще более сложные — в виде каменных панцирей или срубов. Такой многосоставной комплекс может состоять из каменного панциря, выполненного из крупного плитняка-пластушки с включением разбитых резных плит; плиты массивного песчаника (с вырезанной Голгофой и надписью), целой или в обломках, лежащей поверх могильного холма плашмя и частично перекрывающей панцирь; небольшого бутового камня белого полевого шпата, положенного сверху на плиту с надписью. Полевой шпат больше в подобном культурном контексте нами нигде не обнаружен (рис. 3, 4).

В хуторе Нижнекольцове Тацинского района РО, основанном в 1870-е гг. переселенными на пустующие земли малоземельными казаками [Историческая, 2014], сохранилось казачье кладбище конца XIX в. Здесь до половины могил отмечены необработанными плитками серого песчаника с вкраплениями слюды. На камнях единично встречаются нарисованные зеленой или синей краской кресты. На остальных могилах лежат плашмя или вкопаны вертикально плиты с высеченными надписями и/или крестами.

Рис. 3. Каменные панцири на кладбище хутора Мостового Усть-Донецкого района РО, 2010 г. (Пасха). Фото Т.Ю. Власкиной

Fig. 3. Stone shells in the cemetery of X. Mostovoy Ust-Donets district, RO, 2010 (Easter),
photo by T. Y. Vlaskina

В хуторе Новороссошанском Тацинского района РО (основан в 1861 г. как хутор Сычев [Историческая, 2014]) до 4/5 намогильных памятников составляют необработанные пластины плитняка, несколько могил с резными надгробиями из мощных плит. Часто на необработанных камнях синей или зеленой краской в цвет креста нанесены инициалы покойных.

Рис. 4. Совмещение плиты песчаника с вырезанной Голгофой и надписью, а также дикого песчаника и белого полевого шпата в оформлении надгробия на кладбище хутора Мостового Усть-Донецкого района РО, 2010 г. (Пасха). Фото Т.Ю. Власкиной

Fig. 4. The combination of a sandstone slab with a carved Calvary and an inscription, as well as wild sandstone and white feldspar in the design of the tombstone in the cemetery of X. Mostovoy Ust-Donets district, RO, 2010 (Easter), photo by T. Y. Vlaskina

Заключение

В результате анализа комплекса материалов по традиционной культуре донских казаков выявлены кладбища с намогильными знаками в виде одиночных необработанных камней. Установлено, что большая часть погребений с камнями была совершена во временном диапазоне первой половины XX — начала XXI в. Зафиксировано разнообразие форм и качества каменного сырья, использовавшегося в обряде, коррелирующее с видом и формами горных пород, доступных для добычи близ станиц.

Выявлены ареалы распространения традиции с наибольшими количественными показателями от общего числа могил. Установлено, что в качестве центров бытования нескольких вариантов традиции, различающихся по сырью и форме намогильных камней, нанесению графических знаков, а также вариантам сочетания их с другими разновидностями памятников и каменных конструкций, выступают несколько нижнедонских населенных пунктов: станицы Манычская, Верхне- и Нижнекундрюченская, Николаевская, хутор Ведерников. Замечено, что объединяющими особенностями назван-

ных центров является их древность, укорененность и многочисленность старообрядческих общин, мирно сосуществовавших с православным населением.

Визуальное наблюдение позволяет выделить означающую функцию «каменного обряда», когда на надгробия наносят инициалы погребенных, чтобы могилы родных не затерялись. Той же задаче служит и стремление сохранить даже во фрагментах старые родовые плиты с резными надписями. Было замечено, что некоторые надгробия с резьбой конца XIX — начала XX в. лежат на сравнительно недавних погребениях. Не исключено, что это могилы с подзахоронениями, но, возможно, для распространения знаков родового некрополя на новые могилы используют обломки дореволюционных плит. И в этом последнем варианте содержится мотив выделения «своих» по признаку принадлежности к потомкам старого казачества.

Примечательно, что за пределами очерченных ареалов в старых юртах, также часто населенных не только православными, но и старообрядцами, необработанные камни на могилах выявляются редко. А там, где камни всё же обнаружены, количество могил с камнями по отношению к общему количеству могил на кладбищах заметно меньше, чем на Нижнем Дону. В связи с этим нельзя не отметить расхождение между двумя принципами отношения к оформлению могил, распространенными на Дону. Если в этой работе перед нами различные варианты помещения на могилы тяжелых атрибутов, вплоть до сооружения сложных каменных конструкций, то на других соседних территориях, также населенных старообрядцами и православными в разных пропорциях, это не приветствуется. Единственным атрибутом усопшего христианина может быть деревянный крест. Все остальное рассматривается как ненужный скарб, утяжеляющий участь умершего в его загробных странствиях [Власкина, 2004: 36].

До недавнего времени особенно убежденную в данных установках группу составляли *курманы* — старообрядцы-беспоповцы, выходцы из затопленных при строительстве Цимлянского водохранилища Верхне-Курмоярской и Нижне-Курмоярской станиц с хуторами. На их могилах, находящихся на кладбищах близ хуторов Потапова, Рябичёва и Холодного Волгодонского района РО, где обосновалось много переселенцев из-под моря, камней нет, а опрос показывает осознанное отрицательное отношение к «каменному обряду». Единственная могила местного казака с камнем на кладбище хутора Холодного вынесена за ограду и обнесена отдельным заборчиком.

Возникает впечатление, что на Дону существуют две ветви казачьих сообществ, которые не уступают друг другу в древности корней и сложном конфессиональном составе, но одна относится к «каменному обряду» как к важной части своей традиции, которая, помимо всего прочего, имеет маркирующую функцию отличать «своих» от «чужих», а другая резко его отторгает. При этом первая ветвь, укоренившаяся на границе Нижнего и Среднего Дона, отнюдь не однородна: она представлена, минимум, тремя вариантами, различающимися по видам предпочтительного природного сырья для на могильных камней и по способам сочетания их с другими видами кладбищенской атрибутики. Вместе с тем было доказано, что конфессиональная принадлежность не является ключевой в происхождении и поддержании существования традиции.

Для Аксайско-Багаевской локации показана возможная символическая трактовка каменных комплексов: в частности, декларативная связь приверженности к исполне-

нию обычая с казачьей самоидентификацией, проводимая на основании устных источников. В двух других ареалах обращение к семантике «каменного обряда» требует дополнительных исследований.

Сравнение материалов, полученных в результате анализа погребальных традиций донских казаков и выявленных исследователями в других регионах России, показывает определенное сходство в оформлении могил на Дону, в южнорусских, а также Московской и Нижегородской областях, что позволяет использовать данные погребальной обрядности при реконструкции путей миграции населения на Дон в период формирования и дальнейшего существования донского социума.

Благодарности и финансирование

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта 122020100347–2.

Acknowledgements and funding

The article is prepared within the framework of the state assignment of the Federal State Budgetary Institution of Science “Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences”, project no. 122020100347–2.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Авдеев А. Г. Валунные надгробия Верхневолжья (конец XV — вторая треть XVIII в.): вопросы генезиса, бытования и источниковедения. М. : Изд-во ПСТГУ, 2015. 400 с.

Алексеенко Е. А., Юрченко А. В., Сирота Е. В. Старое кладбище Таганрога: путеводитель. Таганрог : Лукоморье, 2021. 168 с.

Артемьев И. Освящение старообрядческого храма в станице Манычской // Донские епархиальные ведомости. 1909. № 27. Неофициальный отдел. С. 726–730.

Астапенко М. П., Астапенко Е. М. История казачьих кладбищ и воинских захоронений города Черкасса — станицы Старочеркасской XVII–XXI веков. Ростов н/Д. : Мини Тайп, 2018. 369 с.

Беляев Л. А. Камень под головой и лестница в небо: археология, иконография, история // Вестник ПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2011. Вып. 2 (5). С. 72–84.

Власкина Т. Ю. Комплекс погребений XIX — середины XX вв. курганного могильника «Алитуб-IV»: этнографический комментарий // Проблемы ранней истории казачества : материалы межрегиональной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 14–15 марта 2023 года : сборник научных статей. Ростов н/Д. : ОКН-проект, 2023. С. 23–43.

Власкина Т. Ю. Похоронно-поминальные обычаи и обряды донских казаков // Традиционная культура. 2004. № 4 (16). С. 35–47.

Громов Д. В. Намогильные камни и их мифо-ритуальное осмысление в Восточном Подмосковье // Этнография. 2023. № 4 (22). С. 210–236.

Деняев М. А., Гудименко И. В. Погребения XIX — 40-х годов XX в. в курганном могильнике Алитуб-IV // Изучение и сохранение исторических некрополей : материалы

региональной научно-практической конференции. Таганрог, 27–28 мая 2022 г. Таганрог : Изд-во ЧОУ ВО ТИУиЭ, 2022. С. 15–31.

Деняева А. С. Отчет об аварийно-спасательных археологических раскопках кургана № 1 выявленного объекта археологического наследия курганного могильника «Алитуб IV» в Аксайском районе Ростовской области; курганов № 1, № 2 выявленного объекта археологического наследия курганного могильника «Самбек VIII» в Неклиновском районе Ростовской области в 2020 году. Т. I. Текст отчета. Рукопись. Ростов н/Д., 2021. 190 с.

Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 511 с.

Историческая справка Ермаковского сельского поселения // Ермаковское сельское поселение Тацинского района Ростовской области. 2014. 20 августа. URL: <https://ermakovskoesp.ru/istoricheskaya-spravka?ysclid=ltwmwvavmm985309672> (дата обращения: 18.03.2024).

Кляус В. Л., Чубукова Д. Г. «Живые» камни на русских могилах // Живой камень: от природы к культуре / отв. ред. и сост. Л. О. Зайонц. М. : Буки Веди, 2015. С. 154–169.

Королёв В. Н. Донские казачьи городки. Ростов н/Д. : Дончак, 2006. 400 с.

Кутенков П. И. Древний обряд Рязанской земли. Три круга иносветной печали // Российский научный журнал. 2013. № 1 (32). С. 76–80.

Лаврский Н. Черкассы и его старина. М. : Искусство и жизнь, 1917. 38 с.

Левкиевская Е. Е., Толстая С. М. Камень // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. Т. 2: Д — К (Крошки) / под общ. ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 1999. С. 448–453.

Листова Т. А. Сакральное оформление могил у русских (крест и камни) в контексте мифологии загробного мира // Некрополи Центральной России / сост. Д. В. Громов, С. С. Михайлов, М. А. Сафаров. М. : Институт этнологии и антропологии РАН, 2022. С. 17–60.

Матишов Г. Г., Власкина Т. Ю., Венков А. В., Власкина Н. А. Социально-исторический портрет дельты Дона: казачий хутор Донской. Ростов н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 216 с.

Матишов Г. Г., Кринко Е. Ф., Власкина Н. А., Бритвина Е. А. Социально-исторический портрет села Приазовья: Кагальник. Ростов н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. 208 с.

Михайлов С. С. Похоронно-поминальная обрядность старообрядцев Восточного Подмосковья на рубеже 1990–2000-х годов // Локальные этноконфессиональные группы в Центральной России / сост. Д. В. Громов, С. С. Михайлов. М. : Институт этнологии и антропологии РАН, 2021. С. 6–21.

Плотникова А. А., Петрухин В. Я. Надгробие // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. Т. 3: К — П / под общ. ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 2004. С. 360–362.

Савельев Е. Археологические очерки Дона: Лекции по краеведению. Вып. 1: Курганы, шляхи и река Маныч. Новочеркасск : Новочеркасская деткомиссия, 1930. 16 с.

Список населенных мест области Войска Донского по Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года. Новочеркасск : Областная войска Донского типография, 1905. Ч. 1. 607 с.

Список населенных мест области Войска Донского по переписи 1873 года / под ред. А. Савельева. Новочеркаск : изд. области Войска Донского статистического комитета, 1875. 275 с.

Черевко В. В. Погребальный обряд памятников с каменными и намогильными конструкциями Белорусского Подвия XIV–XVIII вв. // Новгород и Новгородская земля. История и археология : материалы XXXIII научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения В.А. Янина. Великий Новгород, 22–24 января 2019 г. / отв. ред. Е.А. Рыбина. Великий Новгород : Новгородский музей-заповедник, 2020. Вып. 33. С. 234–239.

Чернов С. З. Некрополь и селище у церкви Николы на Пружках по данным археологических исследований 1990 г. // Канонизация святых на Руси : материалы VI Российской научной конференции, посвященной памяти святителя Макария (10–12 июня 1998 года). Можайск : Терра, 1998. Вып. VI. С. 316–349.

Чернов С. З. Сельские некрополи XIV–XVI вв. на Северо-Востоке Московского княжества // Московский некрополь. История. Археология. Искусство. Охрана : материалы научно-практической конференции / отв. ред. Э.А. Шулепова. М. : НИИК, 1991. С. 73–97.

Черняева Л. Н. Мухины // Русская православная старообрядческая церковь. Община Покровского собора в Ростове-на-Дону. 2019. 21 августа. URL: https://izdrevle.ru/kazaki_muhiny (дата обращения: 18.03.2024).

Шадрина А. В. Состояние старообрядческого раскола в области Войска Донского в начале XX в. // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков : материалы XX Международной научной конференции, Иваново, 31 марта — 1 апреля 2021 г. Иваново : Ивановский государственный университет, 2021. С. 806–810.

REFERENCES

Alekseenko E.A., Yurchenko A.V., Sirota E.V. *Staroe kladbischche Taganroga. Putevoditel'* [Old Cemetery of Taganrog. Guide]. Taganrog: Izdatel'stvo "Lukomorye", 2021, 168 p. (in Russian).

Artemyev I. Osvyashchenie staroobryadcheskogo khrama v stanitse Manychskoy [Consecration of the Old Believer Church in the Village of Manychskaya]. *Donskie eparkhial'nye vedomosti* [Don Diocesan Bulletin], 1909, no. 27. Neofitsial'nyy otdel. P. 726–730 (in Russian).

Astapenko M. P., Astapenko E. M. *Istoriya kazach'ikh kladbischch i voinskikh zakhoroneniy goroda Cherkasska — stanitsy Starocherkasskoy XVII–XXI vekov* [The History of the Cossack Cemeteries and Military Graves of the City of Cherkassk — the Stanitsa of Starocherkasskaya in the 17th–21st Centuries]. Rostov-on-Don: Mini Tayp, 2018, 369 p. (in Russian).

Avdeev A. G. *Valunnye nadgrobii Verkhnevolzh'ia (konets XV — vtoraya tret' XVIII v.): voprosy genezisa, bytovaniia i istochnikovedeniia* [Boulder Tombstones of the Upper Volga Region (Late 15th — Second Third of the 18th Century): Genesis, Existence, and Source Study]. Moscow: Izd-vo PSTGU, 2015, 400 p. (in Russian).

Beliaev L. A. *Kamen' pod golovoi i lestnitsa v nebo: arkheologiiia, ikonografiiia, istoriiia* [A Stone Under One's Head and a Stairway to Heaven: Archaeology, Iconography, History].

Vestnik PSTGU. Seriia V. Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva [Herald of the Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities. Series V. Issues of Theory and History of the Christian Arts]. 2011, no. 2 (5). P. 72–84 (in Russian).

Cherevko V. V. *Pogrebal'nyi obriad pamiatnikov s kamennymi i namogil'nyimi konstruktsiami Belorusskogo Podvin'ia XIV–XVIII vv.* [Funeral Rite of Memorials with Headstones and Grave Structures of the Belarusian Podvinie of the 14th–18th Centuries]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlia. Istoryia i arkheologiya. Materialy 33 nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 90-letiu so dnia rozhdeniya V. L. Ianina. Velikii Novgorod, 22–24 ianvaria 2019 g.* [Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology. Proceedings of the 33th Scientific Conference Dedicated to the 90th Anniversary of V. L. Ianin. Veliky Novgorod, January 22–24, 2019]. Velikii Novgorod: Novgorodskii muzei-zapovednik, 2020, is. 33. P. 234–239 (in Russian).

Cherniaeva L. N. Mukhiny [Mukhiny]. *Russkaia pravoslavnaia staroobriadcheskaia tserkov'. Obshchina Pokrovskogo sobora v Rostove-na-Donu* [Russian Orthodox Old Believer Church. Community of the Cathedral of the Protecting Veil of the Mother of God in Rostov-on-Don]. August 21, 2019. URL: https://izdrevle.ru/kazaki_muhiny (accessed March 18, 2024) (in Russian).

Chernov S. Z. *Nekropol' i selishche u tserkvi Nikoly na Pruzhkakh po dannym arkheologicheskikh issledovanii 1990 g.* [Necropolis and Settlement Near the Church of St. Nicholas on Pruzhki According to Archaeological Research in 1990]. *Kanonizatsiia sviatykh na Rusi: materialy VI Rossiiskoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi Pamiati Sviatitelia Makaria (10–12 iiunia 1998 goda)* [Canonization of Saints in Rus': Proceedings of the VI Russian Scientific Conference Dedicated to the Memory of St. Macarius (June 10–12, 1998)]. Mozhaisk: Terra, 1998, is. VI. P. 316–349 (in Russian).

Chernov S. Z. *Sel'skie nekropoli 14–16 vv. na Severo-Vostoke Moskovskogo kniazhestva* [Rural Necropolises of the 14th–16th Centuries in the North-East of the Moscow Principality]. *Moskovskii nekropol'. Istoryia. Arkheologiya. Iskusstvo. Okhrana: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Moscow Necropolis. History. Archeology. Art. Security. Proceedings of the Scientific and Practical Conference]. Moscow: NIIK, 1991. P. 73–97 (in Russian).

Deniaev M. A., Gudimenko I. V. *Pogrebeniya 19–40-kh godov 20 v. v kurgannom mogil'nike Alitub-IV* [Burials of the 19th — 40s of the 20th Century in the Burial Mound Alitub-IV]. *Izuchenie i sokhranenie istoricheskikh nekropolei: materialy Regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Taganrog, 27–28 maya 2022 g.* [Study and Preservation of Historical Necropolises: Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference. Taganrog, 27–28 May 2022]. Taganrog: Izd-vo ChOU VO TIUiE, 2022. P. 15–31 (in Russian).

Deniaeva A. S. *Otchet ob avariyno-spasatel'nykh arkheologicheskikh raskopkakh kurgana № 1 vyyavленного obyekta arkheologicheskogo naslediya kurgannogo mogil'nika "Alitub IV" v Aksayskom rayone Rostovskoy oblasti; kurganov No. 1, No. 2 vyyavленного obyekta arkheologicheskogo naslediya kurgannogo mogil'nika "Sambek VIII" v Neklinovskom rayone Rostovskoy oblasti v 2020 godu. T. I. Tekst otcheta* [Report on the Rescue Archaeological Excavations of the Barrow No. 1 of the Identified Object of the Archaeological Heritage of the Burial Mound "Alitub IV" in the Aksai District of the Rostov Region; Barrows No. 1, No. 2 of the Identified Object of the Archaeological Heritage of the Burial Mound "Sambek VIII"]

in the Neklinovsky District of the Rostov Region in 2020. T.I. Text of the Report, Manuscript]. Rostov-on-Don, 2021 (in Russian).

Gromov D. V. *Namogil'nye kamni i ikh mifo-ritual'noe osmyslenie v Vostochnom Podmoskov'e* [Gravestones and Their Folklore Interpretations in the Eastern Moscow Region]. *Etnografija* [Ethnography]. 2023, no. 4 (22). P. 210–236 (in Russian).

Istoricheskaja spravka Ermakovskogo sel'skogo poselenija [Historical Background of the Ermakovskiy Rural Settlement]. *Ermakovskoe sel'skoe poselenie Tatsinskogo raiona Rostovskoi oblasti*. [Ermakovskoe Rural Settlement, Tatsinsky District, Rostov Region]. August 20, 2014. URL: <https://ermakovskoesp.ru/istoricheskaya-spravka?ysclid=ltwmwvavmm985309672> (accessed March 18, 2024) (in Russian).

Kliaus V. L., Chubukova D. G. “Zhivye” kamni na russkikh mogilakh [“Live” Stones on Russian Graves]. Zaionts L. O. (ed.) *Zhivoy kamen': ot prirody k kul'ture*. [Living Stone: From Nature to Culture]. Moscow: Buki Vedi, 2015. P. 154–169 (in Russian).

Korolev V. N. *Donskie kazach'i gorodki* [Don Cossack Towns]. Rostov-on-Don: Donchak, 2006, 400 p. (in Russian).

Kutakov P. I. Drevniy obriad Riazanskoy zemli. Tri kruga inosvetnoy pechali [Ancient Rite of the Ryazan Land. Three Rounds of Sadness of Another World]. *Rossiyskiy nauchnyy zhurnal* [Russian Scientific Journal], 2013, no. 1 (32). P. 76–80 (in Russian).

Lavrskii N. *Cherkask i ego starina* [Cherkask and Its Antiquity]. Moscow: Iskusstvo i zhizn', 1917, 38 p. (in Russian).

Levkievskaia E. E., Tolstaia S. M. *Kamen'* [Stone]. *Slavianskie drevnosti: etnolinguisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. In 5 vols. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999, vol. 2. P. 448–453 (in Russian).

Listova T. A. *Sakral'noe oformlenie mogil u russkikh (krest i kamni) v kontekste mifologii zagrannogo mira* [Sacred Decoration of Russian Graves (Cross and Stones) in the Context of the Mythology of the Underworld]. Gromov D. V., Mikhaylov S. S., Safarov M. A. (comps.) *Nekropoli Tsentral'noy Rossii* [Necropolises of Central Russia]. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, 2022. P. 17–60 (in Russian).

Matishov G. G., Krinko E. F., Vlaskina N. A., Britvina E. A. *Sotsial'no-istoricheskiy portret sela Priazovia: Kagal'nik* [A Social-Historical Portrait of a Village of the Azov Region: Kagal'nik]. Rostov-on-Don: Izd-vo YuNTs RAN, 2009, 208 p. (in Russian).

Matishov G. G., Vlaskina T. Iu., Venkov A. V., Vlaskina N. A. *Sotsial'no-istoricheskiy portret del'ty Dona: kazachiy khutor Donskoy* [A Social-Historical Portrait of the Don Delta: A Cossack Hamlet of Donskoi]. Rostov-on-Don: Izd-vo YuNTs RAN, 2012, 216 p. (in Russian).

Mikhaylov S. S. *Pokhoronno-pominal'naya obryadnost' staroobryadtsev Vostochnogo Podmoskovia na rubezhe 1990–2000-kh godov* [Funeral and Memorial Rites of the Old Believers of the Eastern Moscow Region at the Turn of the 2000s]. Gromov D. V., Mikhaylov S. S. (comps.) *Lokal'nye etnokonfessional'nye gruppy v Tsentral'noy Rossii* [Local Ethno-Confessional Groups in Central Russia]. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, 2021. P. 6–21 (in Russian).

Plotnikova A. A., Petrukhin V. Ia. *Nadgrobie* [Headstone]. *Slavianskie drevnosti: etnolinguisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. In 5 vols. Vol. 3. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004. P. 360–362 (in Russian).

Saveliev E. *Arkheologicheskie ocherki Dona: Lektsii po kraevedeniiu. Vyp. 1. Kurgany, shliakhi i reka Manych* [Archaeological Essays of the Don Area: Lectures on Local History. Issue 1. Barrows, Roads and the Manych River]. Novocherkassk: Novocherkasskaya detkomissiya, 1930, 16 p. (in Russian).

Shadrina A. V. *Sostoianie staroobriadcheskogo raskola v Oblasti voiska Donskogo v nachale 20 v.* [The State of the Old Believer Schism in the Don Host Region in the Early 20th Century]. *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii 20–21 vekov: materialy 20 Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Ivanovo, 31 marta — 1 apreliia 2021 g.* [State, Society, Church in the History of Russia of the 20th and 21st Centuries: Proceedings of the 20th International Scientific Conference, Ivanovo, March 31 — April 1, 2021]. Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, 2021. P. 806–810 (in Russian).

Spisok naseleynykh mest oblasti Voiska Donskogo po perepisi 1873 goda [List of Populated Places of the Don Host Region According to the 1873 Census]. Novocherkassk: Izdanie oblasti Voiska Donskogo statisticheskogo komiteta, 1875, 275 p. (in Russian).

Spisok naseleynykh mest oblasti Voiska Donskogo po pervoi vseobshchei perepisi naseleниia Rossiiskoi imperii 1897 goda [List of Populated Places of the Don Host Region According to the First General Census of the Russian Empire in 1897]. Novocherkassk: Oblastnaia voiska Donskogo tipografia, 1905, pt. 1, 607 p. (in Russian).

Vlaskina T. Iu. *Kompleks pogrebenii 19 — serediny 20 vv. kurgannogo mogil'nika "Alitub-IV": etnograficheskii kommentarii* [Complex of Burials of the 19th — Mid-20th Centuries. Burial Mound "Alitub-IV": Ethnographic Commentary]. *Problemy rannei istorii kazachestva. Materialy mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Rostov-na-Donu, 14–15 marta 2023 goda: sbornik nauchnykh statei* [Problems of the Early History of the Cossacks. Proceedings of the Interregional Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, March 14–15, 2023: Collected Articles]. Rostov-on-Don: OOO "OKN-proekt", 2023. P. 23–43 (in Russian).

Vlaskina T. Iu. *Pokhoronno-pominal'nye obychai i obryady donskikh kazakov* [Funeral and Memorial Rites of the Don Cossacks]. *Traditsionnaia kul'tura* [Traditional Culture]. 2004, no. 4 (16). P. 35–47 (in Russian).

Zelenin D. K. *Vostochnoslavianskaia etnografia* [East Slavic Ethnography]. Moscow: Nauka. Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1991, 511 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 27.04.2024

Принята к публикации: 15.12.2025

Дата публикации: 31.03.2025